

Хотя ситуация, в которой Цзи Цзясинь дал согласие, отдавала дикостью — стоило лишь вдуматься в предложенное Янь Цзиньчэном, — парень действительно ответил «да».

Янь Цзиньчэн с облегчением сжал его плечо и тут же добавил новоиспеченного соратника в вичат-группу под громким названием «Отряд Храбрецов», созданную буквально на днях.

— Ты зачем сегодня телефон в школу приволок? — изумление Цзи Цзясиня явно направилось не в то русло.

Янь Цзиньчэн лишь хмыкнул и терпеливо пересказал, ради чего вообще затевался этот секретный чат.

Цзи Цзясинь выслушал его в полном молчании. Глаза его застлала пелена, уголки век быстро покраснели.

— Спасибо вам... — пробормотал он едва слышно и, запнувшись, добавил: — Может, мне перевести вам часть из тех двадцати тысяч?

Янь Цзиньчэн прекрасно понимал это порывистое желание хоть как-то отблагодарить, но брать деньги никто не собирался. Впрочем, чтобы не обижать парня окончательно, они сошлись на том, что Цзи Цзясинь угостит всех сосисками в школьном буфете.

Ли Юньчэн, Ван Сяо и Лю Чжилинь учились в соседнем корпусе, у естественников. На большой перемене они специально сделали крюк, чтобы заскочить и поздороваться с Цзи Цзясином. Тот, похоже, отродясь не видел к себе подобного участия, а потому выглядел совершенно ошарашенным и без конца повторял, что обязан купить им чего-нибудь вкусного.

В обсуждении того, чем именно они будут перекусывать, Янь Цзиньчэн участвовать не стал. Цзян Ли уже прислал сообщение: он ждал у лавки и предложил начать без остальных.

— Ну-ну, — протянул Юань Лэй, плетущийся в самом хвосте их компании. Скрестив руки на груди, он одарил Янь Цзиньчэна исполненным тоски взглядом.

Янь Цзиньчэн пытался делать вид, будто ничего не замечает, но этот парень вздыхал как заведенный. Преодолев несколько пролетов и окончательно потеряв терпение, Янь Цзиньчэн обернулся:

— Чего тебе?

— Секретики, да? — Юань Лэй ткнул его пальцем в плечо, состряпав манерную мину. — У вас появились свои маленькие секретки!

— Ты можешь нормальным языком разговаривать? — Янь Цзиньчэна аж передернуло. — У меня аж мурашки по коже.

— Я имею право на долю в ваших сплетнях? — Юань Лэй убрал руку и, пользуясь тем, что они подходили к развилке коридора, быстро задал главный вопрос.

Янь Цзиньчэн ненадолго задумался и выдал:

— Посмотрим по обстоятельствам.

Юань Лэй вытаращился на него:

— В смысле?! Я с тобой вообще всем делюсь! Мы что, уже не кореша, не братаны, не лучшие друзья?!

Янь Цзиньчэн смерил его долгим взглядом, небрежно похлопал по плечу и бросил:

— Ладно-ладно.

— Что значит «ладно»?!

— Выбирай что хочешь, — Цзян Ли с коротким смешком указал на полки буфета. — Если я буду расспрашивать каждого, у меня язык отсохнет.

— Я не особо по снекам, — Янь Цзиньчэн прислонился к стеллажу, наблюдая, как Цзян Ли гребет все подряд. — Если я открываю пачку чипсов, она у меня лежит, пока не отсыреет.

Цзян Ли ухмыльнулся и показал ему большой палец:

— Сильно.

— Хотя сам я тоже редко ем такое. Дома всё под запретом, вечно конфискуют. Зато сейчас, пока один живу, отрываюсь по полной, — проговорил Цзян Ли, таща корзину к кассе. Расплатившись, он не глядя швырнул Янь Цзиньчэну баночку мороженого: — Ну это-то ты ешь?

Янь Цзиньчэн выбросил руку и ловко смахнул баночку на лету. Обжигающий холод мгновенно въелся в пальцы, и он тут же сдвинул мороженое на стойку.

— Ты совсем сдурел? Ты бы мне еще в голову им засадил!

— Не надо делать из меня монстра, — со смехом отозвался Цзян Ли.

Он подошел ближе, нагнулся и, край своей футболки натянув на пальцы, бережно протер влажную ладонь Янь Цзиньчэна.

— Ну вот, теперь порядок, брат Янь?

В то мгновение, когда Цзян Ли перехватил его руку, Янь Цзиньчэн с невероятной отчетливостью ощутил чужое тепло.

От этого неожиданного прикосновения внутри вспыхнула странная дрожь. Первым порывом было отдернуть кисть, но прошли секунды, сухая ткань скользнула по коже, а он так и остался стоять на месте — мозг просто отказался отдавать команду отступить.

В глубине груди будто затянулся тугой узел, нить от которого тянулась прямо к ладони. Каждое трение заставляло эту нить вибрировать, откликаясь сладостной ломотой в самом сердце.

«И впрямь жара так влияет, или это банальная крапивница?»

Янь Цзиньчэн воззрился на Цзян Ли, совершенно растерявшись.

— Ты чего? Нельзя звать тебя братом Янем? — Цзян Ли от этого взгляда смутился. Неужели в обращениях есть какая-то иерархия и он переступил черту? — А как тогда? Брат Цзинь? Брат Чэн? Цзиньчэн-ге?

— Тебе обязательно привязывать это «ге»? — Янь Цзиньчэн постепенно пришел в себя и легким щелчком отбил руку Цзян Ли. — Хорошо уже, ты мне так всю кожу сотрешь.

— А если мне хочется, нельзя, что ли? — Цзян Ли подхватил пакеты и шагнул к выходу. Чтобы сгладить возникшую неловкость, он быстро сменил тему: — Слушай, а как родителям вообще пришло в голову такое имя?

— Отец хотел, чтобы в делах я был предельно скрупулезен — *яньцзинь*, а к людям относился с искренней честностью — *чэн*.

Янь Цзиньчэн и сам не понял, почему ответил так выкладывающе и без раздумий.

— А почему тогда иероглиф «чэн» не с ключом «речь»? — любопытствовал Цзян Ли.

— Боялись, что с двумя «речами» в имени я вырасту редким треплом, — продолжал откровенничать Янь Цзиньчэн. — К тому же гадалка сказала, что у меня в гороскопе не хватает Земли, вот они и взяли «чэн», который означает городскую стену.

— И как мне тебя называть? — Цзян Ли опустился на стул за пластиковым столиком возле буфета, всё ещё не намереваясь сдаваться.

Янь Цзиньчэн сел напротив. Взглянув на него, он вдруг кое-что вспомнил и усмехнулся:

— Ты же сам звал меня боссом.

Рука Цзян Ли, надиравшая пачку чипсов, замерла, но уже через мгновение пакет с треском разорвался.

«Ты у нас босс, тебе и решать».

Эту фразу он бросил в порыве злости после неудачной стычки с Ван Янем, а теперь она вернулась к нему рикошетом.

— Ну и память у тебя, — Цзян Ли мельком взглянул на него. — В спорах, небось, ни одного старого грешка не пропустишь?

— Я и без поднятия архивов всегда выигрываю, — вздохнул Янь Цзиньчэн с улыбкой.

— В этом я тебе даже завидую, — Цзян Ли развернул открытую пачку чипсов к собеседнику и изогнул бровь: — Угощайся. Не осилишь — я доем.

Янь Цзиньчэн опустил взгляд и неспешно потянулся к пакету.

Где-то на стадионе внезапно загремели торжественные аккорды марша — началась линейка с поднятием флага.

Времени до конца перемены оставалось всего ничего. Зашуршавшие в голове шестеренки напомнили Янь Цзиньчэну о главном поводе для этой встречи.

— Ты вроде со мной о чем-то поговорить хотел? Давай выкладывай, а то звонок скоро.

Цзян Ли прокашлялся:

— Может, ты сам задашь вопрос? Я даже не знаю, с чего начать.

Янь Цзиньчэн не стал ходить вокруг да около:

— Почему ты перевелся?

— Черт, — Цзян Ли криво усмехнулся и откинулся на спинку стула. — Вот так сразу?

— Время жмет, — отрезал Янь Цзиньчэн.

Цзян Ли кивнул, подался вперед и, оперевшись локтями о стол, подпер подбородок рукой. Взглянув на Янь Цзиньчэна, он произнес тихим, ровным голосом:

— Потому что я толкнул человека со второго этажа.

То ли слова прозвучали слишком дико, то ли Янь Цзиньчэн решил, будто ослышался, но между ними повисла тяжелая тишина. Прошло не меньше пятнадцати секунд.

Только когда Цзян Ли сменил руку, Янь Цзиньчэн тихо спросил:

— Зачем?

Цзян Ли едва заметно улыбнулся. Беззаботность, с которой он только что шутил, испарилась без следа. На ее место пришла давящая, почти физическая тяжесть.

— Из-за брата.

Янь Цзиньчэн старался дышать ровно и медленно, но в груди всё равно сперло.

Он чувствовал: обостренное чувство справедливости у Цзян Ли как-то связано с его братом. И последующие слова подтвердили эту догадку.

— Мой отец — бизнесмен из первой волны, поднялся сам. В нашей родне он, пожалуй, самый успешный, — в голосе Цзян Ли проскользнули ироничные нотки. — Ловил каждый тренд, расширял дело и постепенно превратился в того самого богатого родственника, перед которым все заискивают. Отец, хоть и пропитался коммерцией, человечность не растерял. Собрал как-то всех и объявил: тот из младшего поколения, кто покажет лучшие результаты в учебе, поедет в элитную международную школу в Байши, а потом отправится за границу. Все расходы он берет на себя.

Цзян Ли горько усмехнулся:

— Выиграл мой двоюродный брат. Он был невероятно трудолюбивым. Помню, в детстве

приезжал к нам и мог весь день просидеть в углу с книжкой. По характеру — точь-в-точь Цзи Цзясинь: тихий, мягкий, будто совсем без стержня. Я-то рос сущим наказанием, дерзким, невыносимым... Попадись я тебе тогда, ты бы меня на первом же дереве вздернул.

Янь Цзиньчэн едва заметно улыбнулся в ответ на его слова, но взгляд его оставался серьезным.

Возможно, Цзян Ли давно никто так внимательно не слушал. Чувствуя этот сфокусированный, сопереживающий взгляд, он впервые открыто выкладывал то, что горело внутри:

— Из всей родни я больше всего любил играть именно с ним. Он никогда на меня не злился, не бежал жаловаться взрослым, спускал с рук любые выходки. Когда отец сказал, что брат поедет учиться, я искренне радовался — он это заслужил. А дальше... Думаю, ты и сам догадываешься. Когда в гадюшник, где у всех полно денег, попадает кто-то чужой, он мгновенно становится мишенью. Некоторые там — настоящие моральные уроды. Дома их прессуют, вот они и срываю злость на тех, кто не может ответить. Мой брат как раз и стал таким козлом отпущения.

Цзян Ли сделал паузу и сглотнул.

— Я ни о чем не подозревал. Учиться не любил, прогуливал, а к нему прибегал только за одной услугой — чтобы он прикрыл меня перед отцом, соврал, будто мы вместе занимались. Единственное, что меня насторожило... Однажды я заметил у него на губе сбитую, полусгнившую ссадину. Спросил, что стряслось. Он ответил, что запнулся и влетел прямо в косяк. Я чуял: что-то не так. В те дни он избегал моего взгляда, будто панически боялся, что я проговорился бы. На все расспросы твердил одно: устал от учебы. Я тогда подумал, что это логично. Если он съедет по оценкам, отец лишит его гранта. Он изо всех сил пытался оправдать надежды семьи, вырваться наверх. Ну я и попытался его успокоить. Сказал: «Не парься. Даже если отец передумает, я буду отдавать тебе свои карманные деньги».

Цзян Ли сжал кулаки:

— Я впервые увидел, как его глаза вспыхнули. Он спросил совсем тихо: «Правда?» Я еще грудью колесом выпятил: конечно, мол, у меня скоплено дофига, обращай в любой момент. И тут он схватил меня за руку... Так крепко, будто выдохнул с облегчением. Он явно хотел сказать что-то еще, очень важное... Но я его не дослушал. Подбежали кенты, кричат: «Погнали на горячие источники, тачка ждет!» И я свалил. Даже не обернулся.

Голос Цзян Ли дрогнул. Янь Цзиньчэн услышал, как в его горле встал ком.

— В следующий раз мы «пообщались», когда позвонил отец и сказал, что брат выбросился из окна.

Цзян Ли тяжело, с хрипом выдохнул. Рука, подпиравшая лоб, заметно задрожала. Янь

Цзиньчэн впервые видел, чтобы раскаяние выглядело настолько осязаемо. Внутренние уголки покрасневших глаз Цзян Ли надломились, и по щеке к подбородку беззвучно протянулась мокрая дорожка.

Янь Цзиньчэн тихо вздохнул, достал бумажную салфетку и осторожно промокнул ее уголком слезу на его подбородке.

— Я понимаю, что эти слова ничем не помогут, но... твоей вины тут нет.

Цзян Ли неожиданно перехватил его руку. В этот момент парень изо всех сил пытался казаться спокойным, хотя у самого веки налились краснотой, а выражением лица он напоминал взрослого человека, взвалившего на себя чужую беду.

В эту секунду Цзян Ли почувствовал невероятную опору. Никто из тех, кто считался близким, никогда не давал ему этого чувства.

— Я и не виню себя, — эмоции Цзян Ли благодаря Янь Цзиньчэну немного улеглись. Пальцы, сжимавшие чужую ладонь, невольно напряглись. — Я просто нашел тварь, которая довела его до этого. И поступил с ним точно так же — сбросил с лестничного пролета.

Янь Цзиньчэн ощутил, как пульс на запястье Цзян Ли резко подскочил. Он сделал глубокий вдох, не сводя с него глаз.

— Вообще-то я трусил и выбрал этаж ниже, — Цзян Ли попытался выдать подобие шутки. — Боялся, что он расшибется всмятку, а я от страха душу потеряю. Не стоит оно того.

— И что было потом? — Янь Цзиньчэн проигнорировал эту фальшивую самоиронию и тихо спросил о главном.

Хотя финал этой истории он уже мог предсказать по обрывкам прежних разговоров.

Семья решила, что он неуправляемый психопат, и оформила перевод.

Вспомнился его отчаянный крик: «Я думал, ты не такой, как они!»

И то горькое: «Все равно виноватым сделают меня».

Вся его злость, импульсивность, стремление идти напролом — это была попытка спасти брата задним числом. И спасти самого себя, когда-то не выслушавшего чужую мольбу о помощи.

— Твой отец посчитал, что ты поступил слишком жестоко? — опередил его Янь Цзиньчэн.

Цзян Ли замер, пальцы мгновенно расцепились.

Он едва заметно кивнул и глухо проговорил:

— У той семьи тоже оказались связи. Отец заявил, что я не думаю о последствиях и подставил его под удар.

— На меня тогда даже друзья ополчились. Говорили: «Твой брат же не сдох. Ну остался инвалидом, так твой отец его до конца дней содержать будет! А ты своим поступком только все испортил. Теперь мы из пострадавших превратились в виноватых». — Цзян Ли горько усмехнулся, покачав головой. — Они с умным видом раскладывали мне выгоду и риски, взвешивали статусы... И ни одна паскуда не спросила: «А как человеку жить дальше, если его парализовало?!»

— В их глазах я был незрелым малолеткой без мозгов, хладнокровия и выдержки. Психом, который действует на эмоциях. — Цзян Ли поднял глаза, и взгляд его был темнее тучи: — Ты ведь тоже так думал, да?

— Нет.

Ответ прозвучал мгновенно и без тени сомнений. Янь Цзиньчэн твердо качнул головой:

— Я так никогда не думал.

Он сделал паузу и добавил:

— Это они слишком черствые.

В тот период Цзян Ли только и слышал: «Когда ты уже повзрослеешь?», «Деньгами можно решить почти все, а твоя месть — это примитив!», «Ты пожалеешь о своей глупости, и никто не станет разгребать за тобой этот мусор!», «Засунь свою слюнявую жалость куда подальше, она лишает тебя разума!».

Но еще никто и никогда не смотрел ему прямо в глаза, чтобы с абсолютной уверенностью произнести:

— Ты всё сделал правильно, Цзян Ли.

<http://bllate.org/book/20112/1993398>